

A detailed illustration of a woman with long, dark, wavy hair, looking over her shoulder. She is wearing a red choker and a blue braided necklace that forms a large loop around her neck and back. Her right hand is resting on her back, also wearing a blue braided glove. The background is a dark red wall with a repeating floral pattern.

Леопольд фон
Захер-Мазох

ВЕНЕРА В МЕХАХ
Повести и рассказы

Экранизированная классика (Бертельсманн)

Леопольд Захер-Мазох

Венера в мехах (сборник)

«РИПОЛ Классик»

1888, 1909, 1913

Захер-Мазох Л. ф.

Венера в мехах (сборник) / Л. ф. Захер-Мазох — «РИПОЛ Классик», 1888, 1909, 1913 — (Экранизированная классика (Бертельсманн))

Австрийский писатель Леопольд фон Захер-Мазох создавал пьесы, фельетоны, повести на исторические темы. Но всемирную известность ему принесли романы и рассказы, где главной является тема издевательства деспотичной женщины над слабым мужчиной; при этом мужчина получает наслаждение от физического и эмоционального насилия со стороны женщины (мазохизм). В сборник вошло самое популярное произведение – «Венера в мехах» (1870), написанное после тяжелого разрыва писателя со своей возлюбленной, Фанни фон Пистор; повести «Лунная ночь», «Любовь Платона», а также рассказы из цикла «Демонические женщины»... В саду в лунную ночь Северин встречает Венеру – ее зовут Ванда фон Дунаева. Она дает каменной статуе богини поносить свой меховой плащ и предлагает Северину стать ее рабом. Северин готов на всё! Вскоре Ванда предстает перед ним в горностаевой кацавейке с хлыстом в руках. Удар. «Бей меня без всякой жалости!» Град ударов. «Прочь с глаз моих, раб!». Мучительные дни – высокомерная холодность Ванды, редкие ласки, долгие разлуки. Потом заключен договор: Ванда вправе мучить его по первой своей прихоти или даже убить его, если захочет. Северин пишет под диктовку Ванды записку о своем добровольном уходе из жизни. Теперь его судьба – в ее прелестных пухленьких ручках.

© Захер-Мазох Л. ф., 1888, 1909, 1913

© РИПОЛ Классик, 1888, 1909, 1913

Содержание

О странностях любви	7
Венера в мехах	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Леопольд фон Захер-Мазох

Венера в мехах (сборник)

© ООО «РИЦ Литература», состав тома, вступительная статья, 2014

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», издание на русском языке, художественное оформление, 2014

О странностях любви

Приметы времени: запретные ранее фильмы и отделы в секс-шопах «садо-мазо» стали уже привычными. Однако, как маркиз де Сад и Леопольд фон Захер-Мазох, так и садизм и мазохизм по сути – две стороны одной медали.

Впервые открывая книгу Захер-Мазоха «Венера в мехах», неискушенный читатель, кажется, готов – в духе времени – к истории об «Эммануэль» с плеткой и наручниками, но...

Оказывается, дело вовсе не в атрибутах, а прежде всего в размышлениях о природе и странностях любви между мужчиной и женщиной, о пороках, слабостях и о тончайшей, порой запредельной психологии. К тому же действие самого известного романа Захер-Мазоха происходит во второй половине XIX века, и даже «садо-мазо» в те времена было романтичным...

Леопольд фон Захер-Мазох родился 27 января 1836 года в Лемберге (ныне Львов, Украина) в семье начальника полиции Галиции – одного из отдаленных уголков Австрийской империи. Предками отца были испанцы, поселившиеся в Праге в XVI веке, и богемские немцы. В автобиографии сам Захер-Мазох неоднократно называл себя «украинцем по матери». Но ее родители не были этнически связаны с Украиной. Дедушка Леопольда, профессор медицины Лембергского университета Франц Мазох родился в Румынии, бабушка происходила из немецкой диаспоры Чехии. Чтобы род жены не прекратился, отец писателя согласился присоединить ее девичью фамилию к своей; отсюда и сочетание Захер-Мазох.

Леопольд родился слабым и хилым. Ему взяли няню-кормилицу из Малороссии – грубоватую, крепкую, пышущую здоровьем крестьянку. Она пестовала Леопольда несколько лет. Он любил слушать ее страшные байки, которые позже легли в основу его цикла повествований о Галиции – стране, полной чудес.

В семье говорили по-немецки и по-французски, а от няни ее воспитанник перенял устный украинский язык.

Первой, детской любовью Леопольда была графиня Зиновия, родственница отца – роскошная дама, обожавшая соболиные меха. Графиня допускала мальчика в свои покои, разрешала помочь ей снять накидку, переменить туфли... А он не раз прятался в комнате Зиновии и, затаив дыхание, наблюдал, как эта женщина принимает у себя любовников. Однажды графиня все-таки застала Леопольда в своем шкафу и жестоко отлупила его. Вот тогда он испытал первое физическое наслаждение, густо замешанное на первом эротическом чувстве.

С тех пор женщина в мехах и с плеткой в руке стала его невыносимо навязчивым и любимым образом. Говоря о некоей даме, приглянувшейся ему, он заявлял: «Мне бы хотелось увидеть ее одетой в меха» или «Нет, я не могу представить ее в мехах»...

Когда Леопольду исполнилось двенадцать лет, семья переехала в Прагу.

Учился Захер-Мазох блестяще – в университетах Праги и Граца, второго по величине города Австрии. В девятнадцать он защитил диссертацию, став доктором права, а затем в качестве приват-доцента преподавал историю.

В 1858 году молодой ученый анонимно опубликовал роман «Одна галицийская история. Год 1846», посвященный польскому восстанию. Затем появляются «Закат Венгрии и Мария Австрийская», «Эмиссар», другие исторические повести, пьесы. Но всё это не приносит автору ни интереса читателей, ни денег. Хотя к историческим сюжетам Захер-Мазох еще не раз вернется...

А пока он принимается за новую тему – пишет новеллу о распутном грешнике «Дон Жуан из Коломый» (1866), принесшую ему громкий успех. В немалой степени этому способствовало благожелательное предисловие к книге опытного венского публициста и литературного критика Фердинанда Кюрнбергера, открывшего Захер-Мазоху доступ в престижные немецкие журналы и издательства.

Именно Кюрнбергер провел аналогию между начинающим, безвестным писателем и знаменитым, принадлежавшим в то время к западноевропейской литературной элите Иваном Тургеневым. Он же впервые обозначил Захер-Мазоха как «австрийского Тургенева».

Действительно, уже в «Дон Жуане из Коломьи» ощущается влияние тургеневских текстов. А в новелле «Лунная ночь» (1868), включенной в цикл «Наследие Каина», возникает фигура рассказчика – охотника, а также «славянские» природные, социальные и этнографические реалии; персонажи – помещики и крестьяне (пусть и не орловские, а галицийские); на этом фоне юный граф оказывается под роковым влиянием демонической сектантки... И часть западной читающей публики заметила некое сходство «каиновского цикла» с «Записками охотника».

Справедливости ради отметим, что сам Тургенев довольно неприязненно относился к личности и творчеству Захер-Мазоха. В письме к издателю Суворину в 1876 году он писал: «Я с ним не знаком лично – и, признаюсь, небольшой охотник до его романов. В них слишком много «литературы» и «клубнички» – две вещи хорошие, но при излишнем пережевывании – нестерпимые».

Однако, по поводу «клубнички»... За год до «Венеры в мехах» вышел немецкий перевод повести Тургенева «Переписка». Герой «Переписки» безумно влюбляется в красавицу-танцовщицу, явившуюся ему в образе вакханки «с виноградным венком на голове и тигровой кожей по плечам». Влюбленный целиком отдается ее власти – «как собака принадлежит своему господину» и делает в конце концов вывод: «В любви одно лицо – раб, а другое – властелин». Вот такая тургеневская повесть оказалась предшественницей знаменитого романа Захер-Мазоха...

«Венера в мехах» вышла в 1870 году, в первой части цикла «Наследие Каина». События, описанные в этой книге, соответствуют реальным подробностям любовных отношений самого Захер-Мазоха с молодой вдовой Фанни фон Пистор.

Главный персонаж «Венеры в мехах» молодой галицийский дворянин Северин Кузимский рассказывает о своем рабском подчинении любимой женщине – Ванде. Богиня и властительница, она носит отороченную мехом кацавейку и бьет его плетью – и ничто не может так усилить страсть, как жестокость его возлюбленной. Ванда всесильна, всегда справедлива, необузданна...

Кстати, и семейная жизнь писателя в первом браке протекала под знаком этого же сценария. Урожденная Аврора фон Рюмелин, ставшая его женой в 1873 году, даже взяла себе псевдоним Ванда, по имени героини «Венеры в мехах». О подробностях супружеской жизни с Захер-Мазохом она поведала широкой публике много позже, в 1906 году, когда издаст свои воспоминания. Не выдержав в конце концов причуд мужа, она покинула его, сбежав с другим и взяв с собой младшего сына. А вскоре от брюшного тифа умер старший сын, оставшийся с отцом...

Еще одна повесть из «Наследия Каина» – «Любовь Платона» – рассказывает о любовных исканиях знаменитого мыслителя в юности, о непонимании его окружающими людьми.

О цикле «Наследие Каина» следует сказать особо. Захер-Мазох задумал его состоящим из шести частей, озаглавленных соответственно каждому из шести элементов проклятия, наложенного на человечество: любви, собственности, труде, войне, государстве и смерти. Каждая из частей должна была состоять из шести новелл, пять из которых представляли бы реальное, пессимистическое положение в вышеназванных сферах, а заключительная являлась бы идеальным вариантом решения проблем.

Пять произведений первого раздела, озаглавленного «Любовь» («Дон Жуан из Коломьи», «Отставной солдат», «Лунная ночь», «Любовь Платона» и «Венера в мехах»), рассказывают о несчастьях, приносимых любовной страстью. А в последней повести этого раздела («Марцелла, или Сказка о счастье») представлена взаимная любовь и крепкий брак помещика

и крестьянки, которую будущий супруг предварительно поднимает до своего уровня путем образования и воспитания.

Раздел «Любовь» вышел отдельным сборником в 1870 году, раздел «Собственность» – в 1877-м. Остальные четыре раздела остались незавершенными; для каждого из них автор успел создать только по две-три повести.

В 1873–1874 годах вышли произведения Захер-Мазоха, основанные на материале российской истории XVIII века: роман «Женщина-султан» об эпохе Елизаветы Петровны и четыре тома «Новелл русского двора», действие в которых происходит во времена от Петра I до Екатерины II.

В России писателя интересовали также сектанты (скопцы, духоборы, хлысты) и старообрядцы. В 1889 году появляется его статья «Русские секты», в которой приводятся отчасти реалистические, отчасти фантастические сведения о верованиях и быте сектантов и раскольников. А два «черных» романа Захер-Мазоха «Душегубка» и «Богоматерь» знакомят читателя с мистическими галицийскими сектами и по своему воздействию достигают высочайшего уровня страха и напряжения.

В сборник «Демонические женщины» были включены рассказы разных лет о сильных представительницах слабого пола. Героини этой книги вооружены красотой, они властны и жестоки, они обладают железной волей и безжалостны по отношению к своим обидчикам. В некоторых рассказах присутствует и доля фантастического, придающая общему замыслу еще больше колорита. И, как и в «Венере в мехах», автор показывает неразрывную связь между наслаждением и страданием, делает их зависимыми друг от друга.

Надо отметить, что успех Захер-Мазоха у немецких читателей оказался недолгим. Известность, хвалебные рецензии в прессе, внушительные гонорары постепенно сошли на нет. Уж слишком не соответствовали его книги консервативной бюргерской морали. А вот во Франции его популярность была очень высока. Лучшие парижские издательства выпускали большими тиражами не только его эротические произведения, но и галицийскую прозу. Признание и почтение он нашел у таких столпов французской литературы, как Золя, Доде, Флобер, Дюма-сын. В 1883 году в связи с 25-летием писательской деятельности Захер-Мазох был удостоен высшей награды Франции – ордена Почетного Легиона.

В последние годы жизни он уже не занимался так интенсивно литературной работой. Во втором его браке с переводчицей Хульдой Майстер родились трое детей; семейство поселилось в принадлежавшем Хульде поместье недалеко от Франкфурта-на-Майне. Здесь писатель увлекся толстовством, организовал несколько публичных библиотек и народных школ.

Еще при жизни Захер-Мазоха австрийский психиатр и невропатолог, один из основателей сексологии Рихард фон Крафт-Эбинг, исследовав произведения писателя, ввел в научный оборот термин «мазохизм». Этим термином он обозначил половое отклонение, при котором человеку для достижения удовольствия необходимо испытывать физическую боль или моральное унижение. Впоследствии большое внимание проблеме мазохизма будет уделено в классическом психоанализе, в том числе в трудах Зигмунда Фрейда.

Леопольд фон Захер-Мазох умер в марте 1895 года от сердечной недостаточности. По некоторым утверждениям, урну с его прахом уничтожил пожар в 1929 году.

«Ему так и не удалось обрести отечество для своего таланта. Ему так и не удалось стать частью какого-нибудь целого. Правду говоря, это было бы ему не так просто сделать. Где то целое, частью которого он мог бы стать? Ведь он нигде не был укоренен. К великому прошлому австрийской литературы он обратиться не мог, так как “великий дух” был чужд ему. Немцев он ненавидел, славянскую культуру – перерос. Культуры, соразмерной его таланту, просто не было» – так отозвался на смерть Захер-Мазоха «отец венского модерна» Герман Бар.

Юрий Павлов

Венера в мехах

*И покарал его Господь и отдал его в руки женщины.
Кн. Юдифи, 16, гл. 7.*

У меня была очаровательная гостья.

Перед большим камином в стиле ренессанс, прямо против меня, сидела Венера. Но это не была какая-нибудь дама полусвета, ведущая под этим именем войну с враждебным полом – вроде какой-нибудь мадемуазель Клеопатры, – а настоящая и подлинная богиня любви.

Она сидела в кресле, а перед ней пылал в камине яркий огонь, и красный отблеск пламени освещал ее бледное лицо с белыми глазами, а время от времени и ноги, когда она протягивала их к огню, стараясь согреть.

Голова ее поражала дивной красотой, несмотря на мертвые каменные глаза; но только голову ее я и видел. Величавая богиня закутала все свое мраморное тело в широкие меха и, вся дрожа, сидела свернувшись в комочек, как кошка.

Между нами шел разговор...

* * *

– Я вас не понимаю, сударыня, – воскликнул я, – право же, теперь совсем уже не холодно! Вот уже две недели, как у нас стоит восхитительная весна. Вы, очевидно, просто нервны...

– Благодарю за вашу весну! – отозвалась она своим глубоким каменным голосом и тотчас же вслед за этими словами божественно чихнула – даже два раза, быстро, один за другим. – Этого положительно сил нет выносить, и я начинаю понимать...

– Что, глубокоуважаемая?

– Я готова начать верить невероятному, понимать непостижимое. Мне сразу становится понятной и германская женская добродетель, и немецкая философия, – и меня перестает поражать то, что вы любить не умеете, что вы и отдаленного представления не имеете о том, что такое любовь...

– Позвольте, однако, сударыня!.. – воскликнул я, всплыв. – Я положительно не дал вам никакого повода...

– Ну, вы другое дело! – божественная чихнула в третий раз и с неподражаемой грацией повела плечами. – Зато я была к вам неизменно благосклонна и даже время от времени навещаю вас, хотя, благодаря множеству своих меховых покровов, каждый раз простуживаюсь. Помните ли вы, как мы с вами в первый раз встретились?

– Еще бы! Мог ли бы я забыть это! – ответил я. – У вас были тогда пышные каштановые локоны, и карие глаза, и ярко-розовые губы, но я тотчас же узнал вас по овалу лица и по этой мраморной бледности... Вы носили всегда фиолетовую бархатную кофточку с меховой опушкой.

– Да, вы были без ума от этого туалета... И какой вы были понятливый!

– Вы научили меня понимать, что такое любовь. Ваше веселое богослужение заставило меня забыть о двух тысячелетиях...

– А как беспримерно верна я вам была!

– Ну, что касается верности...

– Неблагодарный!

– Я совсем не хотел упрекать вас. Вы, правда, божественная женщина, – и, как всякая женщина, вы в любви жестоки.

– Вы называете жестокостью то, – с живостью возразила богиня любви, – что составляет главную сущность чувственности, веселой и радостной любви, то, что составляет природу женщины: отдаваться, когда любит, и любить все, что нравится.

– Да разве может быть что-нибудь более жестокое для любящего, чем неверность возлюбленной?

– Ах, мы и верны, пока любим! – воскликнула она. – Но вы требуете от женщины, чтобы она была верна, когда и не любит, чтобы она отдавалась, когда это и не доставляет ей наслаждения, – кто же более жесток, мужчина или женщина? Вы, северяне, вообще понимаете любовь слишком серьезно и сурово. Вы толкуете о каких-то обязанностях там, где речь может быть только об удовольствиях.

– Да, сударыня, – и зато у нас такие почтенные и добродетельные чувства и такие длительные связи...

– И так же вечно это тревожное, ненасытное, жадное стремление к языческой наготе, – вставила она. – Но та любовь, которая представляет высшую радость, воплощенное божественное веселье, – эта не по вас, она не годится для вас, современных детей рассудочности. Для вас она несчастье. Когда вы захотите быть естественными, вы впадаете в пошлость. Вам представляется природа чем-то враждебным, из нас, смеющихся богов Греции, вы сделали каких-то злых демонов, меня представили дьяволицей. Меня вы умеете только преследовать, заточать и проклинать – или же, в порыве вакхического безумия, сами себя заклать, как жертву, на моем алтаре. И когда у кого-нибудь из вас хватает мужества целовать мои яркие губы, – он тотчас бежит искупать это паломничеством в Рим босиком и в покаянном рубище, ждет, чтоб высохший посох дал зеленые ростки, – тогда как под моими ногами вечно прорастают живые розы, фиалки и зеленый мирт, но вам не по силам упиваться их ароматом. Оставайтесь же среди вашего северного тумана, в дыму христианского фимиама, – а нас, язычников, оставьте под грудой развалин, под застывшими потоками лавы, не откапывайте нас! Не для вас были воздвигнуты наши Помпеи, наши виллы, наши бани, наши храмы – не для вас! Вам не нужно богов! Мы гибнем в вашем холодном мире!

Мраморная красавица закашляла и плотнее запахнула темный соболий мех, облежавший ее плечи.

– Благодарю за данный нам классический урок, – ответил я. – Но вы ведь не станете отрицать, что по природе мужчина и женщина – в вашем веселом, залитом солнцем мире, так же как и в нашем туманном, – враги; что любовь только на короткое время сливает их в единое существо, живущее единой мыслью, единым чувством, единой волей, чтобы потом еще сильнее разъединить их. И – это вы лучше меня знаете – кто потом не сумеет подчинить другого себе, тот страшно быстро почувствует ногу другого на своей спине...

– И обыкновенно даже, именно мужчина ногу женщины... – воскликнула мадам Венера насмешливо и высокомерно. – Это-то уж вы лучше меня знаете.

– Конечно. Вот потому-то я и не строю себе иллюзий.

– То есть вы теперь мой раб без иллюзий... и я за то без сострадания буду топтать вас...

– Сударыня!

– Разве вы до сих пор меня не знаете? Ну да, я жестока, – раз уж вам такое удовольствие доставляет это слово. И разве я не права тем, что жестока? Мужчина жадно стремится к обладанию, женщина – предмет этих стремлений; это ее единственное, но зато решительное преимущество. Природа отдала на ее произвол мужчину с его страстью, и та женщина, которая не умеет сделать его своим подданным, своим рабом, больше, своей игрушкой – и затем со смехом изменить ему, – такая женщина просто неумна.

– Ваши принципы, глубокоуважаемая... – начал я, возмущенный.

– ...покоятся на тысячелетнем опыте, – насмешливо перебила меня божественная, перебирая своими белыми пальцами темный волос меха. – Чем более преданной является жен-

щина, тем скорее отрезвляется мужчина и становится властелином. И чем более она окажется жестокой и неверной, чем грубее она с ним обращается, чем легкомысленнее играет им, чем больше к нему безжалостна, тем сильнее разгорается сладострастие мужчины, тем больше он ее любит, боготворит. Так было от века во все времена – от Елены и Далилы и до Екатерины II и Лолы Монтец.

– Не могу отрицать, – сказал я, – для мужчины нет ничего пленительнее образа прекрасной, сладострастной и жестокой женщины – деспота, весело, надменно и беззаветно меняющей своих любимцев по первому капризу...

– И облаченной к тому же в меха! – воскликнула богиня.

– Как это вам в голову пришло?

– Я ведь знаю ваше пристрастие.

– Но, знаете ли, – заметил я, – с тех пор, как мы с вами не виделись, вы стали большой кокеткой...

– О чем это вы, позвольте спросить?

– О том, что в мире нет и не может быть ничего обворожительнее для вашего белого тела, чем этот покров из темного меха, и что он...

Богиня засмеялась.

– Вы грезите! – промолвила она. – Проснитесь-ка! – И она схватила меня за руку своей мраморной рукой. – Да проснитесь же! – прогремел ее голос низким грудным звуком.

Я с усилием открыл глаза.

Я увидел тормозившую меня руку, но рука эта оказалась вдруг темной, как из бронзы, и голос оказался сильным, пьяным голосом моего денщика, стоявшего предо мной во весь свой почти саженный рост.

– Да вставайте же, что это, срам какой!

– Что такое? Почему срам?

– Срам и есть – заснуть одетым, да еще за книгой! – Он снял нагар с оплывших свечей и поднял выскользнувшую из моих рук книгу. – Да еще за сочинением (он открыл крышку переплета) Гегеля... И потом, давно пора уж к господину Северину ехать, он к чаю нас ждет.

* * *

– Станный сон!.. – проговорил Северин, когда я кончил рассказ, облокотился руками на колени, склонил лицо на свои тонкие руки с нежными жилками и глубоко задумался.

Я знал, что он долго так просидит, не шевелясь, почти не дыша; так это действительно и было. Меня не поражало его поведение – мы состояли с ним уже почти три года в отличных приятельских отношениях, и я успел привыкнуть ко всем его странностям.

А странный человек он был, этого отрицать нельзя было, хотя и далеко не такой опасный безумец, каким его считали не только ближайшие соседи, но и всюду окрест во всей Коломее. Меня же он не только интересовал, – за это и я прослыл среди многих немножко свихнувшимся, – но и весь он был мне в высшей степени симпатичен.

Для человека его положения и возраста, – он был галицийский дворянин и помещик, и было ему лет тридцать с небольшим, – он был поразительно трезвомыслящий человек, очень серьезного склада, даже до педантизма. В основу своей жизни он положил полуфилософскую, полупрактическую систему, которую проводил с мелочной выдержанностью, и жил не только по ней, но в то же время еще и по часам, по термометру, по барометру, по аэрометру, по гигрометру. Но при этом временами его постигали припадки страстности, во время которых всякий, глядя на него, считал его способным головой стену прошибить и тщательно избегал его, боясь попасться ему на дороге.

Пока он так долго сидел безмолвно, кругом раздавались разнообразные звуки: потрескивал в камине огонь, пыхтел большой почтенный самовар, поскрипывало старое прадедовское кресло, в котором я, покачиваясь, курил свою сигару, трещал сверчок в стенах старого дома, – и глаза мои бесцельно блуждали по странной, оригинальной утвари, по скелетам животных, по чучелам птиц, по глобусам и гипсовым фигурам, которыми загромождена была его комната.

Вдруг мне на глаза случайно попала картина. Я часто видел ее и раньше, но отчего-то теперь я не мог оторвать от нее глаз: такое неизъяснимое впечатление произвела она на меня в эту минуту, освещенная красным отблеском пламени в камине.

На ней была изображена прекрасная женщина, с солнечно-яркой улыбкой на нежном лице, с пышной массой волос, собранных в античный узел, и с легким налетом белой пудры на них; опершись на левую руку, она сидела на оттоманке нагая, завернутая в меховой плащ, правая рука ее играла хлыстом, а обнаженная нога небрежно опиралась на мужчину, распростертого перед ней, как раб, как собака.

И этот мужчина, с резкими, но правильными и красивыми чертами лица, с выражением затаенной тоски и беззаветной страсти поднимавший к ней горячий мечтательный взгляд мученика, – этот мужчина, служивший подножной скамейкой ногам красавицы, был сам Северин. Только без бороды – по-видимому, лет на десять моложе, чем теперь.

– *Венера в мехах!* – воскликнул я, указывая на картину. – Такой я и видел ее во сне.

– Я тоже... – отозвался Северин. – Только я видел свой сон открытыми глазами.

– Как так?

– Ах, это очень глупая история.

– Твоя картина, вероятно, и послужила поводом для моего сна, – сказал я. – Ты должен мне рассказать, однако, что у тебя связано с этой картиной. Несомненно, она играла какую-то роль в твоей жизни, и, по-видимому, очень решительную... Я это представляю себе, но узнать все хочу от тебя.

– Взгляни-ка на другую, ее pendant, – сказал мой странный друг, не обращая внимания на мои слова.

Другая представляла превосходную копию известной тичиановской «Венеры с зеркалом» из Дрезденской галереи.

– Ну, что же ты хочешь сказать своим сопоставлением?

Северин встал и указал пальцем на картине мех, в который облек Тициан свою богиню любви.

– Здесь тоже «Венера в мехах», – сказал он с легкой улыбкой. – Не думаю, чтобы старый венецианец проявил в этом какой-нибудь умысел. Вероятно, он просто писал портрет какой-нибудь знатной Мессалины и был так любезен, что заставил держать перед ней зеркало – в котором она с холодным удовольствием исследует свои величавые чары, – Амура, а ему, по-видимому, эта работа не очень сладка.

Эта картина – сплошная месь в красках. Впоследствии какой-нибудь «знаток» эпохи рококо окрестил эту даму именем Венеры, и меха деспотической красавицы, в которые закуталась прекрасная натурщица Тициана, наверное, не столько из целомудрия, сколько из боязни схватить насморк, сделались символом тирании и жестокости, таящихся в женщине и ее красоте.

Но дело не в этом. Картина эта, в своем нынешнем виде, является самой едкой, злой сатирой на нашу любовь. Венера, вынужденная кутаться на нашем абстрактном севере, в, как лед, холодном христианском мире, в просторные, тяжелые меха, – чтобы не простудиться!..

Северин засмеялся и закурил новую папиросу.

В эту самую минуту скрипнула дверь и в комнату вошла, неся нам к чаю холодное мясо и яйца, красивая полная блондинка, с умными и приветливыми глазами, одетая в черное шелковое платье. Северин взял одно яйцо и разбил его краем ножа.

– Говорил я тебе, чтоб яйца были всмятку?! – крикнул он так резко, что молодая женщина вздрогнула.

– Но... Севчу, милый!.. – испуганно пробормотала она.

– Что там «Севчу»! – закричал он снова. – Слушаться ты должна, понимаешь? Слушаться меня!..

И он сорвал со стены плетку, висевшую рядом с его оружием.

Как пойманный зверь, пугливо бросилась хорошенькая женщина к двери и быстро выскользнула из комнаты.

– Ну, подожди... еще попадешься мне в руки! – крикнул он ей вслед.

– Что с тобой, Северин! – сказал я, кладя руку на рукав его сюртука. – Как можно так обращаться с этой хорошенькой маленькой женщиной!

– Да, смотри на них, на женщин! – возразил он, шутливо подмигнув глазом. – Если бы я льстил ей, она накинула бы мне петлю на шею, – а так, когда я ее воспитываю плетью, она на меня молится...

– Полно тебе вздор говорить!

– Это ты вздор говоришь. Женщин необходимо так дрессировать.

– Да, по мне, живи себе, если угодно, как паша в своем гареме, но не предъявляй мне теорий...

– Отчего и не теорий?! – с живостью воскликнул он. – Знаешь гётевское: «Ты должен быть либо молотом, либо наковальней», – ни к чему это не применимо в такой мере, как к отношениям между мужчиной и женщиной, – это тебе, между прочим, развивала и мадам Венера в твоём сне. На страсти мужчины основано могущество женщины, и она отлично умеет воспользоваться этим, если мужчина оказывается недостаточно предусмотрительным. Перед ним один только выбор – быть либо тираном, либо рабом. Стоит ему поддаться чувству на миг – и голова его уже окажется под ярмом и он тотчас почувствует на себе кнут.

– Диковинная теория!

– Не теория, а практика, опыт, – возразил он, кивнув головой. – Меня в самом деле хлестали кнутом, это не шутка... Теперь я выздоровел. Хочешь прочесть, как это все случилось?

Он встал и вынул из ящика своего массивного письменного стола небольшую рукопись.

– Ты прежде спросил меня о той картине, – сказал он, положив передо мной на стол рукопись. – Я давно уже в долгу у тебя с этим объяснением. Возьми это – прочти!

Северин сел у камина спиной ко мне и, казалось, уснул с открытыми глазами. По выражению его лица можно было думать, что он видит сны. Снова в комнате все стихло, слышны были только треск дров в камине, тихое гудение самовара и стрекотание сверчка за старой стеной.

Я раскрыл рукопись и прочел:

«Исповедь метафизика»

На полях рукописи красовались, в качестве эпиграфа, видоизмененные известные стихи из Фауста:

«Тебя, метафизик, чувственник, женщина водит за нос!

Мефистофель».

Я перевернул заглавный лист и прочел:

«Нижеследующее я составил по своим тогдашним заметкам в дневнике; свободно восстанавливать свое прошлое правильно – трудно, а так все сохраняет свою свежесть, правдивые краски настоящего».

* * *

Гоголь, этот русский Мольер, где-то говорит – не помню, где именно... ну, все равно, – что истинный юмор – это тот, в котором сквозь «видимый миру смех» струятся «незримые миру слезы».

Дивное изречение!

Странное настроение охватывает меня порою в течение того времени, что я пишу эти записки.

Воздух кажется мне напоенным волнующими ароматами цветов, которые опьяняют меня и причиняют мне головную боль. В извивающихся струйках дыма мне чудятся образы маленьких домовых с седыми бородами, насмешливо указывающих пальцами на меня. По локотникам моего кресла и по моим коленям, мнится мне, скользят верхом толстощекие амуры, – и я невольно улыбаюсь, даже громко смеюсь, записывая свои приключения... И все же я пишу не обыкновенными чернилами, а красной кровью, которая сочится у меня из сердца, потому что теперь вскрылись все его зарубцевавшиеся раны, и оно сжимается и болит, и то и дело каплет слеза на бумагу.

* * *

В ленивой праздности тянутся дни в маленьком курорте в Карпатах. Никого не видишь, никто тебя не видит. Скучно до того, что хоть садись идилии сочинять. У меня здесь столько досуга, что я мог бы написать целую галерею картин, мог бы снабдить театр новыми пьесами на целый сезон, для целой дюжины виртуозов написать концерты, трио и дуэты, но... что толковать! – в конце концов я успеваю только натянуть холст, разложить листы бумаги, разлиновать нотные тетради, потому что я...

Только без ложного стыда, друг Северин! Лги другим, но обмануть себя самого тебе уже не удастся. Итак, скажем правду: потому что я не что иное, как дилетант. Только дилетант – и в живописи, и в литературе, и в музыке, и еще кое в чем из тех так называемых бесхлебных искусств, жрецы которых получают от них нынче министерские доходы, а порой и положение маленьких владетельных князей... Ну, и прежде всего я – дилетант в жизни.

Жил я до сих пор так же, как писал картины и книги, то есть я ушел не дальше грунтовки, планировки, первого акта, первой строфы. Бывают такие люди, которые вечно только начинают и никогда не доводят до конца; вот и я один из таких людей.

Но к чему вся эта болтовня?

К делу.

Я высываюсь из окна и нахожу, в сущности, бесконечно поэтичным то гнездо, в котором я изнываю. Вид отсюда на высокую голубую стену гор, обвеянную золотистым ароматом солнца, вдоль которой извиваются стремительные каскады ручьев, словно серебряные ленты... Как ясно и сине небо, в которое упираются снеговые вершины; как зелены и ярко свежи лесистые откосы, луга с пасущимися на них стадами, вплоть до желтых волн зреющих нив, среди которых мелькают фигуры жнецов, то исчезая, нагнувшись, то снова выныривая.

Дом, в котором я живу, расположен среди своеобразного парка, или леса, или лесной чащи – это можно назвать как угодно; стоит он очень уединенно.

Никто в нем не живет, кроме меня и какой-то вдовы из Лемберга, – да еще домовладелицы Тартаковской, маленькой, старенькой женщины, которая с каждым днем становится меньше ростом и старше, – да старого пса, хромящего на одну ногу, да молодой кошки, вечно играющей с тем же клубком ниток; а клубок ниток принадлежит, я полагаю, прекрасной вдове.

А она, кажется, действительно красива – эта вдова, и еще очень молода, ей не больше двадцати четырех лет, и очень богата. Она живет в верхнем этаже, а я в первом, вровень с землей. Зеленые жалюзи на ее окнах всегда опущены, балкон – весь заросший зелеными вьющимися растениями. Зато у меня есть внизу милая, уютная беседка, обвитая диким виноградом, в которой я читаю, и пишу, и рисую, и пою – как птица в ветвях.

Из беседки мне виден балкон. Иногда я и поднимаю глаза к нему, вверх, и время от времени сквозь густую зеленую сеть мелькнет белое платье.

В сущности, меня очень мало интересует красивая женщина там, наверху, потому что я влюблен в другую, и, надо сказать, до последней степени безнадежно влюблен – еще гораздо более безнадежно, чем рыцарь Тоггенбург и Шевалье в Манон Леско, – потому что моя возлюбленная... из камня.

Есть в саду, там, в маленькой чаще, восхитительная лужайка, на которой мирно пасутся два-три домашних зверька. На этой лужайке стоит каменная статуя Венеры – кажется, копия с оригинала во Флоренции. Эта Венера – самая красивая женщина, которую я когда-либо в жизни видел.

Это еще не так много значит, правда, – потому что я видел мало красивых женщин, да и женщин вообще мало видел; я и в любви дилетант, никогда не уходивший дальше грунтовки, первого акта.

Но к чему тут сравнения, – как будто то, что прекрасно, может быть превзойдено?

Довольно того, что эта Венера прекрасна и что я люблю ее – так страстно, так болезненно нежно, так безумно, как можно любить только женщину, неизменно отвечающую на любовь вечно одинаковой, вечно спокойной, каменной улыбкой. Да, я буквально молюсь на нее.

Часто, когда солнце жарко палит деревья, я укладываюсь близ нее под сенью молодого бука и читаю; часто я посещаю мою холодную, жестокую возлюбленную и по ночам, – тогда я становлюсь пред ней на колени, прижавшись лицом к холодным камням, на которых покоятся ее ноги, и беззвучно молюсь ей.

Нет слов выразить эту красоту, когда над ней восходит луна – теперь она как раз близится к полнолуннию – и плывет среди деревьев, и лужайка залита серебряным блеском... а богиня стоит, словно просветленная, и как будто купается в ее мягком сиянии.

Однажды, возвращаясь с такой молитвы, я заметил: в одной из аллей, ведущих к дому, мелькнула вдруг, отделенная от меня одной зеленой галереей, женская фигура – белая, как камень, и облитая лунным светом. На мгновение меня охватило такое чувство, как будто моя прекрасная мраморная женщина сжалилась надо мной и ожила и пошла за мной... И душу мне оковал безотчетный страх, сердце трепетало, словно готовое разорваться, – и вместо того чтобы...

Ну, да ведь я дилетант. И как всегда, я застрял на втором стихе... Нет, я не застрял, наоборот, – я побежал так быстро, как только хватило моих сил.

* * *

Вот случайность! У еврея, торговца фотографиями, оказывается как раз снимок с моего идеала! Небольшой листок – «Венера с зеркалом» Тициана... Что это за женщина! Я напишу стихотворение. Нет! Я возьму листок и подпишу под ним: «Венера в мехах».

Ты зябнешь, – ты, сама зажигающая пламя! Закутайся же в свои деспотические меха, – кому они и приличествуют, если не тебе, жестокая богиня красоты и любви!..

И через некоторое время я прибавил к подписи несколько стихов из Гёте, которые я недавно нашел в его Паралипомене к Фаусту.

«Амуру! Обманчивые крылышки и стрелы – не стрелы, а когти, и скрытые рожки под венком. Сомнения нет: как все боги Греции, и он лишь – замаскированный черт».

Затем я поставил гравюру пред собой на стол, оперев ее о книгу, и принялся рассматривать ее.

Холодное кокетство прекрасной женщины, с которым она драпирует свою красоту темными собольими мехами, строгость, жестокость, лежащая в дивных чертах мраморного лица, меня чаруют и внушают мне в то же время ужас.

Я снова берусь за перо, и вот что ложится на бумагу:

«Любить, быть любимым – какое счастье! И все же как бледнеет его яркий восход перед полным муки блаженством – боготворить женщину, которая делает нас своей игрушкой, быть рабом прекрасной тиранки, безжалостно топчущей нас ногами. Даже Самсон – этот великан – отдался еще раз в руки Далилы, изменившей ему, и она еще раз предала его, и филистимляне связали его на ее глазах и выкололи ему глаза, остававшиеся до последнего мгновения отуманенными яростью и любовью, прикованными к прекрасной изменнице».

* * *

Я завтракал в своей беседке и читал Книгу Юдифи и завидовал злому язычнику Олоферну за его кроваво-прекрасную кончину, за отсеченную рукой царственной женщины голову его.

«И покарал его Господь и отдал его в руки женщины».

Эта фраза поразила меня.

Как нелюбезны эти евреи, думал я. Да и сам Бог их! – Мог же он выбрать поприличнее выражения, говоря о прекрасном поле!

«Бог покарал его и отдал в руки женщины»... – повторил я про себя.

Что бы мне придумать, что совершить, чтобы он покарал меня?

Ах, ради бога... Опять является эта домохозяйка; за ночь она еще сморщилась и стала еще немножко меньше. А там, наверху, опять что-то белеет меж зеленых ветвей...

Венера или вдова?

На этот раз вдова, потому что госпожа Тартаковская, приседая, просит у меня от ее имени книг для чтения.

Я бегу к себе в комнату и быстро тащу со стола пару томов.

Слишком поздно уже я вспоминаю, что в одном из них лежит моя гравюра – Венера. И теперь она у белой женщины там, наверху, вместе со всеми моими излияниями.

Что-то она об этом скажет?

Я слышу, она смеется.

Не надо мной ли?

* * *

Полнолуние! Вон уже вышла луна из-за верхушек невысоких елей, окаймляющих парк, и серебристый аромат разлился над террасой, над группами деревьев, залил всю местность, какую только можно охватить глазом, и мягко трепещет вдали, словно зыбкая поверхность вод.

Так странно манит, зовет... Я не в силах противиться. Одеваюсь снова и выхожу в сад.

Меня влечет туда, на лужайку, к ней – к моей богине, к моей возлюбленной.

Прохладная ночь. Я зябну от свежести. Воздух опьяняет тяжелым ароматом цветов, лесной чащи.

Как торжественно вокруг! Какая музыка ночи... Томительно рыдает соловей. Звезды тихо-тихо мерцают в бледно-голубой выси. Лужайка кажется гладкой, как зеркало, как ледяной покров пруда.

Светло и величаво высится предо мной статуя Венеры.

Но что это там темнеет?..

С мраморных плеч богини ниспадает до самых ступней ее длинный меховой плащ...

Я стою в оцепенении, не сводя с нее глаз, – и снова чувствую, как меня охватывает неизъяснимый знакомый тоскливый испуг... и бегу прочь.

Я бегу торопливо, все ускоряя шаги, – и вдруг замечаю, что ошибся аллеей. Возвращаюсь и только что хочу направиться в один из боковых зеленых коридоров, смотрю – прямо передо мной, на каменной скамье сидит Венера – моя прекрасная, каменная богиня... нет! живая, настоящая богиня любви – с горячей кровью, бегущей по жилам...

Да, она ожила для меня – как статуя Галатеи, начавшая дышать для своего творца... Правда, чудо совершилось только наполовину: еще из камня ее белые волосы, еще мерцают, как лунные лучи, ее белые одежды... или это атлас?.. А с плеч ниспадает темный мех... Но губы уже красны, и окрашиваются щеки, и из глаз ее струятся в мои глаза два дьявольских зеленых луча. И вот она смеется!

О, какой это странный смех, неизъяснимый!.. У меня захватывает дух, и я бегу, бегу без оглядки, но через каждые несколько шагов вынужден останавливаться, чтобы перевести дух... А этот насмешливый хохот преследует меня через темные сплетения листвы, через озаренные светом дерновые площадки, сквозь чашу, в которую врываются одинокие лунные лучи... Я сбился, мечусь по дорожкам, не знаю, куда идти, – на лбу у меня выступают крупные капли холодного пота.

Наконец я останавливаюсь и произношу краткий монолог.

Ведь наедине с самими собой люди всегда бывают или очень любезны, или очень грубы.

И вот я говорю себе:

– Осел!

Волшебное действие оказывает это коротенькое слово, точно заклинание, от которого вмиг рассеялись чары, и я пришел в себя.

Мгновенно я успокаиваюсь и удовлетворенно повторяю:

– Осел!

И вот я снова вижу все отчетливо и ясно. Вот фонтан, вон буковая аллея, а вон там и дом. И я медленно направляюсь теперь к нему.

Вдруг – еще раз, внезапно – за зеленой стеной, залитой лунным сиянием, затканной серебром, – еще раз мелькнула белая фигура, прекрасная каменная женщина, которую я боготворю, которой я боюсь, от которой я бегу.

Два-три прыжка – и я дома, перевожу дух и задумываюсь.

Что же теперь? Что я такое: маленький дилетант или большой осел?

* * *

Знойное утро – в воздухе душно, тянет крепкими, волнующими ароматами.

Я снова сижу в своей беседке, увитой диким виноградом, и читаю «Одиссею». Читаю об очаровательной волшебнице, превращающей своих поклонников в зверей. Дивный образ античной любви.

Тихо шелестят ветви и стебли, шелестят листы моей книги, что-то шелестит и на террасе. Женское платье...

Вот *она*... Венера... только без мехов... нет! теперь другая... это вдова!.. И все же... она... Венера!.. О, что за женщина!

Вот она предо мной – в легком белом утреннем одеянии – и смотрит на меня...

Какой поэзией, какой дивной прелестью и грацией дышит ее изящная фигура!

Она не высока, но и не мала. Головка – не строгой красоты, она скорее обаятельна, как головка французской маркизы XVIII столетия. Но как обворожительна! Мягкий и нежный

рисунок не слишком маленького рта, чарующая шаловливость в выражении полных губ... кожа так нежно-прозрачна, что всюду сквозят голубые жилки, – не только на лице, но и на закрытых тонкой кисеей руках и груди... пышные красные волосы... да, волосы рыжи – не белокуры, не золотисты – рыжи, но как демонически прекрасно и в то же время прелестно, нежно обвивают они затылок... Вот сверкнули ее глаза – словно две зеленые молнии... Да, они зеленые, эти глаза, с их неизъяснимым выражением, кротким и властным, – зеленые, но того глубокого таинственного оттенка, какой бывает в драгоценных камнях, в бездонных горных озерах.

Она заметила мое смущение, – а растерялся я до невежливости, до того, что забыл встать, снять фуражку с головы.

Она лукаво улыбнулась.

Наконец я поднимаюсь, кланяюсь. Она подходит ближе и раздражается звонким, почти детским смехом. Я что-то бормочу, запинаясь, – как может только бормотать в такую минуту маленький дилетант или большой осел.

Так мы познакомились.

Богиня осведомилась о моем имени и назвала свое.

Ее зовут Ванда фон Дунаева.

И она действительно моя Венера.

– Но, сударыня, как пришла вам в голову такая идея?

– Мне ее подала гравюра, лежавшая в одной из ваших книг...

– Я забыл ее...

– Ваши странные заметки на обороте...

– Почему странные?

Она смотрела мне прямо в глаза.

– Мне всегда хотелось встретить настоящего мечтателя-фантаста... ради разнообразия...

Ну, а вы мне кажетесь, по всему, одним из самых безудержных...

– Многоуважаемая... в самом деле... – И я чувствую, что у меня опять глупо, идиотски спотыкается язык и, в довершение, я краснею – так, как это еще прилично было бы шестнадцатилетнему юноше, но не мужчине, который почти на целых десять лет старше...

– Вы сегодня ночью испугали меня.

– Да, собственно, дело в том, что... не угодно ли вам, впрочем, присесть?

Она села и, видимо, забавлялась моим испугом, – а мне действительно и теперь, среди бела дня, становилось все более и более страшно – очаровательная усмешка дрожала вокруг ее верхней губы.

– Вы смотрите на любовь, – заговорила она, – и прежде всего на женщину, как на нечто враждебное, перед чем вы стараетесь, хотя и тщетно, защищаться, но чью власть вы чувствуете, как сладостную муку, как жалящую жестокость. Взгляд вполне современный.

– Вы с ним не согласны?

– Я с ним не согласна, – подхватила она быстро и решительно и несколько раз покачала головой, отчего локоны ее заколыхались, как огненные струйки. – Для меня веселая чувственность эллинской любви – радости без страдания – идеал, который я стремлюсь осуществить в личной жизни. Потому что в ту любовь, которую провозглашает христианство, которую проповедуют современные люди, эти рыцари духа, – в нее я не верю.

Да, да, смотрите на меня. Я не только еретичка – гораздо хуже: я – язычница.

Не думала долго богиня любви,
Когда ей понравился в роще Анхиз.

Меня всегда восхищали эти стихи из римской элегии Гёте.

В природе лежит только эта любовь, любовь героической эпохи, та, которую «любили боги и богини». Тогда – «за взглядом следовало желание, за желанием следовало наслаждение».

Все иное – надуманно, неискренно, искусственно, аффектировано. Благодаря христианству – этой жестокой эмблеме его – кресту... душа моя содрогается ужасом от него... – в природу и ее безгрешные инстинкты были внесены элементы чуждые, враждебные. Борьба духа с чувственным миром – вот евангелие современности. Я не принимаю его!

– Да, вам бы жить на Олимпе, сударыня, – ответил я. – Ну, а мы, современные люди, не переносим античной веселости, – по крайней мере в любви. Одна мысль – делить женщину, хотя бы она была какой-нибудь Аспазией, с другими – нас возмущает, мы ревнивы, как наш Бог. И вот почему у нас имя очаровательной Фрины стало бранным словом.

Мы предпочитаем скромную, бледную гольбеиновскую деву, принадлежащую нам одному, – античной Венере, которая как бы она ни была божественно прекрасна, любит сегодня Анхиза, завтра Париса, послезавтра Адониса. И если случится, что в нас одерживает верх стихийная сила и мы отдаемся пламенной страсти к подобной женщине, то ее жизнерадостная веселость нам кажется демонической силой, жестокостью, и в нашем блаженстве мы видим грех, который требует искупления.

– Значит, и вы увлекаетесь современной женщиной? Этой бедной истерической женщиной, которая, как сомнамбула, вечно бродит в поисках несуществующего идеала мужчины, плода своего воображения, и в своем бреде не умеет оценить лучшего мужчину, в вечных слезах и муках, ежеминутно оскорбляя свой христианский долг, мечется, обманывая, и, обманутая, выбирая, покидая и снова ища, никогда не умеет ни изведать счастье, ни дать счастье и только клянет судьбу – вместо того, чтобы спокойно сознаться: я хочу любить и жить, как любили и жили Елена и Аспазия.

Природа не знает прочных и длительных отношений между мужчиной и женщиной!

– Сударыня...

– Дайте мне договорить. Только эгоизм мужчины стремится схоронить женщину, как сокровище. Все попытки внести эту прочность в самую изменчивую из всех изменчивых сторон человеческого бытия – в любовь – путями священных обрядов, клятв и договоров потерпели крушение. Можете ли вы отрицать, что наш христианский мир разлагается?

– Но, сударыня...

– Но единичные мятежные личности, восстающие против общественных установлений, изгоняются, клеймятся позором, забрасываются камнями... – вы это хотели сказать, конечно? Ну, хорошо. У меня хватает дерзновения, я хочу прожить свою жизнь согласно своим языческим принципам. Я отказываюсь от вашего лицемерного уважения, я предпочитаю быть счастливой.

Те, кто выдумали христианский брак, отлично сделали, что выдумали одновременно и бессмертие. Но я несколько не думаю о жизни вечной, – если с последним моим вздохом здесь на земле для меня, как для Ванды фон Дунаевой, все кончено, – что мне из того, что мой чистый дух воссоединится в песнопении с хором ангелов или что мой прах сольется в материю для новых существ?

А если я сама, такова, какова я есть, больше жить не буду – во имя чего же я стану отрешаться от радостей? Принадлежать человеку, которого я не люблю, только потому, что я когда-то его любила? Нет! Я не хочу отречения – я люблю всякого, кто мне нравится, и дам счастье всякому, кто меня любит. Разве это гадко? Нет, это гораздо красивее, во всяком случае, чем если бы я стала жестоко наслаждаться мучениями, которые я причиняю, и добродетельно отворачиваться от бедняги, изнывающего от страсти ко мне. Я молода, хороша и богата – и весело живу для удовольствия, для наслаждения.

Пока она говорила и глаза ее лукаво сверкали, я схватил ее руки, хорошенько не сознавая, что хотел делать с ними, но теперь, как истинный дилетант, торопливо выпустил их.

– Ваша искренность восхищает меня, – сказал я, – и не одна она...

Опять все то же – проклятый дилетантизм перехватил мне горло!

– Что же вы хотели сказать?

– Что я хотел?.. Да, я хотел... простите... сударыня... я перебил вас.

– Что такое?

Долгая пауза. Наверное, она говорит про себя целый монолог, который в переводе на мой язык исчерпывается одним-единственным словом: осел!

– Если позволите спросить, сударыня, – заговорил я наконец, – как вы дошли до... до этого образа мыслей?

– Очень просто. Мой отец был человек очень умный. Меня с самой колыбели окружали копии античных статуй, в десятилетнем возрасте я читала Жиль Блаза. Как большинство детей считают Мальчика с пальчик, Синюю бороду и Золушку, так считала я своими друзьями Венеру и Аполлона, Геркулеса и Лаокоона. Мой муж был человек веселый, жизнерадостный; ничто не могло надолго омрачить его чело, ни даже неизлечимая болезнь, постигшая его вскоре после того, как мы поженились.

Даже в ночь накануне своей смерти он взял меня к себе в постель, а в течение долгих месяцев, которые он провел в своем кресле на колесах, он часто шутя говорил мне: «Есть уже у тебя поклонник?» Я загоралась от стыда.

А однажды он прибавил: «Не обманывай меня, это было бы гадко. А красивого мужчину найди себе – или даже лучше сразу нескольких. Ты – чудесная женщина, но при этом полуренок еще, ты нуждаешься в игрушках».

Вам не нужно говорить, надеюсь, что, пока он был жив, я поклонников не имела; но он воспитал меня такой, какова я теперь: гречанкой.

– Богиней... – поправил я.

– Какой именно? – спросила она, улыбнувшись.

– Венерой!

Она погрозила мне пальцем и нахмурила брови.

– И даже «Венерой в мехах»... Погодите же, – у меня есть большая шуба, которой я могу укрыть вас всего, – я поймаю вас в нее, как в сети.

– И вы полагаете, – быстро заговорил я, так как меня осенила мысль, показавшаяся мне в ту минуту, при всей ее простоте и банальности, очень дельной, – вы полагаете, что ваши идеи возможно проводить в наше время? Что Венера может разгуливать во всей своей нескрываемой и радостной красоте в мире железных дорог и телеграфов?

– *Нескрываемой* – нет, конечно! В шубе! – воскликнула она, смеясь. – Хотите видеть мою шубу?

– И потом...

– Что же «потом»?

– Красивые, свободные, веселые и счастливые люди, какими были греки, возможны только тогда, когда существуют *рабы*, которые делают все прозаические дела повседневной жизни и которые прежде всего – работают на них.

– Разумеется, – весело ответила она. – И прежде всего, олимпийской богине, вроде меня, нужна целая армия рабов. Берегитесь же меня!

– Почему?

Я сам испугался той смелости, с которой у меня вырвалось это «почему». Она же нисколько не испугалась; у нее только слегка раздвинулись губы, так что из-за них сверкнули маленькие белые зубы, и потом проронила вскользь, как будто дело шло о чем-нибудь таком, о чем и говорить не стоило:

– Хотите быть моим рабом?

– Любовь не знает разграничений, – ответил я торжественно-серьезно. – Но если бы я имел право выбора – властвовать или быть подвластным, – то мне показалась бы гораздо более привлекательной роль раба прекрасной женщины. Но где же я нашел бы женщину, которая не добивалась бы влияния мелочной сварливостью, а сумела бы властвовать в спокойном сознании своей силы?

– Ну, это-то было бы нетрудно, в конце концов.

– Вы думаете?..

– Ну, я, например, – она засмеялась, откинувшись на спинку скамьи. – У меня деспотический талант... есть у меня и необходимые меха... но вы сегодня ночью совсем серьезно испугались меня?

– Совсем серьезно.

– А теперь?

– Теперь... теперь-то я особенно боюсь вас!

* * *

Мы встречаемся теперь ежедневно, я и... Венера. Много времени проводим вместе, вместе завтракаем у меня в беседке, чай пьем в ее маленькой гостиной, и я имею широкую возможность развернуть все свои маленькие, очень маленькие таланты. Для чего же я в самом деле учился всем наукам, пробовал силы во всех искусствах, если бы не сумел блеснуть перед маленькой хорошенькой женщиной?

Но эта женщина – отнюдь не маленькая и импонирует мне страшно. Сегодня я попробовал нарисовать ее – и только тут отчетливо почувствовал, как мало подходят современные туалеты к этой голове камеи. В чертах ее мало римского, но очень много греческого.

Мне хочется изобразить ее то в виде Психеи, то в виде Астарты, сообразно изменчивому выражению ее глаз – одухотворенно-мечтательному или утомленному, полному изнеможения, когда лицо ее словно опалено огнем сладострастия. Ей хочется, чтобы я писал ее портрет.

Ну, хорошо – я напишу ее в мехах.

О, как мог я колебаться хотя бы минуту! Кому же идут царственные меха, если не ей?

* * *

Вчера вечером я был у нее и читал ей римские элегии. Потом я отложил книгу и фантазировал что-то собственное. Кажется, она была довольна... даже больше: она буквально приковалась глазами к моим губам и грудь ее прерывисто дышала.

Неужели мне это только показалось?

Дождь меланхолически стучал в оконные стекла, огонь мягко, по-зимнему, потрескивал в камине – я почувствовал себя у нее так уютно, тепло... на мгновение я забыл свое почтительное обожание и просто поцеловал руку красавицы, и она не рассердилась.

Тогда я сел у ее ног и прочел маленькое стихотворение, которое написал для нее.

Я молил в нем свою «Венеру в мехах», ожившую героиню мифа, дьявольски прекрасную женщину, мраморное тело которой покоится среди мирта и агав, положить свою ногу на голову ее раба.

На этот раз мне удалось пойти дальше первой строфы, но по ее повелению я отдал ей в тот вечер листок, на котором записал это стихотворение, и так как копии у меня не осталось, то я могу припомнить его теперь только в общих чертах.

Странное чувство я испытываю. Едва ли я влюблен в Ванду – по крайней мере, при первой нашей встрече я совершенно не испытал той молниеносной вспышки страсти, с которой

начинается влюбленность. Но я чувствую, что ее необычайная, поразительная, истинно-божественная красота мало-помалу опутывает меня своей магической силой.

Не похоже оно и на возникающую сердечную привязанность. Это какая-то психическая подчиненность, захватывающая меня медленно, постепенно, но тем полнее и бесповоротнее.

С каждым днем мои страдания становятся все глубже, нестерпимее, а она... только улыбается этому.

* * *

Сегодня она сказала мне вдруг, без всякого повода:

– Вы меня интересуете. Большинство мужчин так обыкновенны – в них нет подъема, пафоса, поэзии, а в вас есть известная глубина и энтузиазм и – главное – серьезность, которая мне нравится. Я могла бы вас полюбить.

* * *

После недолгого, но сильного грозового ливня мы отправились вместе на лужайку, к статуе Венеры. Всюду над землей подымался пар, облака его неслись к небу, словно жертвенный дым; над головами нашими раскинулась разорванная радуга; ветви деревьев еще роняли капли дождя, но воробьи и зяблики уже прыгали с ветки на ветку и так возбужденно щебетали, словно чему-то радовались. Воздух был напоен свежими ароматами.

Через лужайку трудно пройти, потому что она вся еще мокрая и блестит и искрится на солнце, словно маленький пруд, над подвижным зеркалом которого высится богиня любви – а вокруг головы ее кружится рой мошек и, освещенный солнцем, он кажется живым ореолом.

Ванда наслаждается восхитительной картиной и, желая отдохнуть, опирается на мою руку, так как на скамьях в аллее еще не высохла вода. Все существо ее дышит сладостной истомой, глаза полужакрыты, дыхание ее ласкает мою щеку.

Я ловлю ее руку и – положительно не знаю, как я решился! – спрашиваю ее:

– Могли бы вы полюбить меня?

– Почему же? – отвечает она, остановив на мне свой спокойный и ясный, как солнце, взор. – Но не надолго.

Одно мгновение – и я стою перед ней на коленях и прижимаюсь пылающим лицом к душистым складкам ее кисейного платья.

– Ну, Северин... ведь это неприлично!

Но я ловлю ее маленькую ногу и прижимаюсь к ней губами.

– Вы становитесь все неприличнее! – восклицает она, вырывается от меня и быстро убегает в дом, а в моей руке остается ее милая, милая туфелька.

Что это? Благословение?

* * *

Весь день я не решался показаться ей на глаза. Перед вечером я сидел у себя в беседке – вдруг мелькнула ее обворожительная огненная головка сквозь выющуюся зелень ее балкона.

– Отчего же вы не приходите? – нетерпеливо крикнула она мне сверху.

Я взбежал на лестницу, но у самой двери меня снова охватила робость, и я тихонько постучался. Она сказала «войдите», а отворила дверь сама, остановившись на пороге.

– Где моя туфля?

– Она... я ее... я хочу... – бессвязно забормотал я.

– Принесите ее, потом мы будем вместе чай пить и поболтаем.

Когда я вернулся, она возилась за самоваром. Я торжественно поставил туфельку на стол и отошел в угол, как мальчишка, ожидающий наказания.

Я заметил, что у нее был немного нахмурен лоб и вокруг губ легла какая-то строгая, властная складка, которая привела меня в восторг.

Вдруг она звонко расхохоталась:

– Значит, вы... в самом деле влюблены... в меня?

– Да, и страдаю сильнее, чем вы думаете.

– Страдаете? – И она снова засмеялась.

Я был возмущен, пристыжен, уничтожен; но она ничего этого не заметила.

– Зачем же? – продолжала она. – Я отношусь к вам очень хорошо, сердечно.

Она протянула мне руку и смотрела на меня чрезвычайно дружелюбно.

– И вы согласитесь быть моей женой?

Ванда взглянула на меня... Не знаю, как это определить, как она на меня взглянула – прежде всего, кажется, изумленно, а потом немного насмешливо.

– Откуда это вы вдруг столько храбрости набрались? – проговорила она.

– Храбрости?..

– Да, храбрости жениться вообще, и в особенности на мне? Так скоро вы подружились вот с этим? – Она подняла туфельку. – Но оставим шутки. Вы в самом деле хотите жениться на мне?

– Да.

– Ну, Северин, это дело серьезное. Я верю, что вы любите меня, я тоже люблю вас – и, что еще лучше, мы интересуем друг друга, нам не грозит, следовательно, опасность скоро наскучить друг другу. Но ведь я, вы знаете, легкомысленная женщина – и именно потому-то я отношусь к браку очень серьезно, – и если я беру на себя какие-нибудь обязанности, то я хочу иметь возможность и исполнить их. Но я боюсь... нет... вам будет больно услышать это.

– Будьте искренни со мной, прошу вас! – настаивал я.

– Ну, хорошо, скажу откровенно: я не думаю, чтоб я могла любить мужчину дольше, чем...

Она грациозно склонила набок головку и соображала.

– Дольше года?

– Что вы говорите! Дольше месяца, вероятно.

– И меня не дольше?

– Ну, вас... вас, может быть, два.

– Два месяца! – воскликнул я.

– Два месяца – это очень долго.

– Сударыня, это больше, чем антично...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.